

КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК РЕСУРС ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

КУДРЯШОВА

Ирина Владимировна

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (119454, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 76); старший научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 15, к. 2).
E-mail: kudryashova23@yandex.ru

Аннотация. Вопреки концепциям сторонников секулярной парадигмы, цивилизационные, в т.ч. религиозные ценности остаются востребованными при решении задач общественно-политического развития. Рассматриваемые казусы сверхкрупных стран (Бразилия, Индия, Китай, Россия) показывают, почему культурно-религиозные ценности сохраняют свое публичное значение и как они могут быть востребованы в ходе модернизации и национального строительства.

Ключевые слова: цивилизационные ценности, религия, развитие, национальное строительство, политическая идентичность

Вопрос о роли культурно-религиозных ценностей в современном общественно-политическом развитии¹ остается дискуссионным на протяжении десятилетий. Единства подходов нет и среди авторов и сторонников теорий модернизации. В большинстве своем они отстаивают необходимость и неизбежность секуляризации², но, например, известный политолог и социолог Д. Аптер отмечает, что в большинстве развивающихся обществ можно найти элементы различных моделей модернизации, варьирующиеся в его логике от рационально-либертарианской (согласительной) до священно-коллективистской (мобилизационной)³. Широкую известность получили научные школы, обосновывающие значение цивилизационных⁴ факторов не только в процессе современного государственного и национального строительства, но и

¹ Понятия «развитие» и «модернизация» используются автором как синонимы, поскольку в статье не затрагиваются проблемы развития досовременных политий.

² См. Кудряшова И. В. Как изучать взаимодействие религии и политики? // Политическая наука. М.: РАН; ИНИОН. 2013. № 2. С. 9–24.

³ Apter D. E. The Politics of Modernization. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1967. P. 36–37.

⁴ Понятие «цивилизация» употребляется в тексте в значении социокультурной общности, формируемой на основе ценностей мировых религий, морали, права, искусства.

в глобальном политическом развитии. Согласно компаративному цивилизационному подходу, основоположником которого стал Ш. Эйзенштадт¹, религиозные и имперские традиции не «растворяются» модернизацией или глобализацией, но, хотя и в реконструированном виде, продолжают определять качественные характеристики развития.

С внешней стороны этот феномен исследователи зачастую объясняют защитной реакцией государственных и общественных институтов на давление формирующейся глобальности, имплицитно исходя при этом из западноевропейской модели формирования нации-государства как образца². Другая точка зрения полагает его политико-культурным ответом на глобальность социально-экономической дифференциации по линии «ядро — периферия»³.

Как представляется, в первую очередь политическое влияние традиции, прямое или опосредованное, определено тем, что при догоняющем развитии культурно-религиозные ценности способны компенсировать слабость гражданских институтов. Странам неорганической модернизации не присуще мощное интегрирующее общество доверие, которое характерно для стран с сильной гражданской сферой. В них мало последователей политических идеологий, а общественно-политические организации слабы и разрозненны.

Между тем, как констатируют участники проекта Всемирного обзора ценностей (*World Values Survey*), традиционные ценностные системы проявляют в современном мире высокую устойчивость и эластичность. Так почему не использовать культурно-религиозные ценности для интеграции общества и реализации задач развития? Следование определенным нормативным соображениям (морали) также обеспечивает, наряду с критериями эффективности, легитимность власти.

В современной политической науке новые возможности для исследования политической роли цивилизационных ценностей открывает идентичностный подход. Идентичность оказывается «тем синтезирующим концептом, который позволяет дать качественный анализ “субъективного фактора” общественного развития на разных его уровнях...”⁴.

В таких крупнейших и значимых для современного мира странах, как Россия, Индия, Китай, Бразилия, цивилизационная специфика в своих

¹ См.: *Eisenstadt S.N. Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution: The Jacobin dimension of Modernity.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 280 p.; *Eisenstadt S.N. The Paradoxes of Democracy: Fragility, Continuity, and Change.* Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: The John Hopkins University Press, 1999. 120 p.; *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-пресс, 1999. 416 с.

² См., напр.: *James P. Globalism, Nationalism and Tribalism: Bringing Theory Back in.* — London: Sage Publications, 2006. 369 p.; *Castles S. Ethnicity and Globalization.* London: Sage Publications, 2000. 228 p.; *Albrow M. The Global Age: State and society beyond Modernity.* Cambridge: Polity Press, 1996. 256 p.

³ См. *Wallerstein I.M. The Essential Wallerstein.* Washington, DC: American Press, 2000. 471 p.; *Chase-Dunn C. Global Formation: Structures of the World-Economy.* 2nd ed. Lanham: Rowman&Littlefield Publishers, 1998. 452 p.

⁴ Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И. С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. С. 7–8.

разнообразных проявлениях продолжает присутствовать в публичной сфере и как ценность, и как политический ориентир. В случае сверхкрупных стран укрепление цивилизационной составляющей идентичности способно способствовать и решению социально-политических проблем, обусловленных многосоставностью (этнокультурной и территориальной гетерогенностью), которая в большинстве случаев отражает исторические особенности формирования и функционирования имперских систем. Лояльность центральной власти и преодоление этнических конфликтов могут быть обеспечены за счет создания общего цивилизационного нарратива, формирования чувства принадлежности к «великой державе».

Рассмотрим случай Бразилии. Многосоставность Бразилии — наследие колониального периода и работорговли. Как отмечает В. Лапкин, ей соответствует «своеобразная португалоговорящая, но в то же время латиноамериканская цивилизация, где к тому же метисация исторически происходила в основном на основе европейских иммигрантов и потомков африканских рабов почти без участия коренного индейского населения»¹. Согласно переписи 2010 г., жители страны идентифицируют себя со следующими крупными расовыми группами: белые — 47,7%, смешанные — 43,1, черные — 7,6, азиаты — 1,1, индейцы — 0,4². Ввиду крайне неравномерного распределения доходов между этими группами Бразилию иногда именуют «расовой демократией».

Бразилия — христианская страна, доля верующих в которой очень высока (85%³). Недостаточно эффективные модернизационные реформы в XX в., когда происходило чередование военных диктатур и гражданского правления, не смогли решить основных социально-экономических проблем, включая проблему голода. Религиозность в сочетании с очень высоким социальным размежеванием привели к политизации христианства «слева». Этому способствовали такие его принципы, как эгалитаризм, коммунитаризм (понимание братства как состояния общества и социального идеала) и радикальный пацифизм (ненасильственная, но конфронтация)⁴. С конца 1950-х гг. в Бразилии возникает движение первичных христианских общин, которое не было прямым порождением возникшей чуть позднее теологии освобождения, но стало практическим воплощением ее идей.

В 1980-х гг. в Бразилии действовали более 70 тыс. первичных коммун, участие в деятельности которых принимали 2,5 млн чел⁵. В политическом

¹ Там же. С. 30.

² Censo Demográfico 2010: Características da População e dos Domicílios — Resultados do Universo. URL: <http://loja.ibge.gov.br/censo-demografico-2010-caracteristicas-da-populac-o-e-dos-domicilios-resultados-do-universo.html> (accessed 21.12.2014).

³ Global Index of Religion and Atheism. Redc opinion poll. Press release. URL: <http://redcresearch.ie/wp-content/uploads/2012/08/RED-C-press-release-Religion-and-Atheism-25-7-12.pdf> (accessed 21.12.2014).

⁴ Roelofs M.H. Liberation Theology: The Recovery of Biblical Radicalism // American Political Science Review, 1988, June. N82. P. 549–566.

⁵ Berryman Ph. Liberation Theology: Essential Facts about the Revolutionary Movement in Latin

плане «левые католики» поддерживали социалистическую Партию трудящихся (основана в 1980 г.), которая аккумулировала их настроения¹. Ее лидеры возглавляют страну с 2003 г.

С конца 1990-х гг. так называемый левый поворот стал выражением качественного изменения стратегии социально-политического развития Бразилии и некоторых других стран Латинской Америки по сравнению с неолиберальным курсом начала 1990-х. Итогами этого «поворота» стали резкий рост гражданской активности бедного населения и развитие гражданских институтов, формирование левоцентристского правительства, укрепление легитимности власти и приоритетное внимание к социальному развитию. Ощутимый духовный импульс социальности дали модернизации идеалы и устремления «левых католиков».

Индия также является страной с высоким уровнем религиозности (81%²); крупнейшими религиями являются индуизм (80,5% населения) и ислам (13,4%)³. Центральные принципы индийских религий — *сансара* и *карма* — препятствовали социально-политическим трансформациям. Только во второй половине XIX в. очаг индийского реформаторства и просветительства появился в Бенгалии, подвергшейся наиболее длительному европейскому воздействию.

Философские и политические трактаты подготавливали и одновременно концептуализировали участие индийцев в современных политических взаимодействиях: в 1885 г. была образована партия Индийский национальный конгресс (ИНК), в 1906 — Мусульманская лига. Чуть позднее появились такие политические организации, как Хинду махасабха (Великое индусское собрание), декларирующее укрепление могущества индусской нации и борьбу против «исламизации», Раштрия сваямсевак сангх (РСС, Союз служителей нации), выступающий за индусский коммунизм.

В 1947 г. при достижении независимости Британская Индия была разделена на «светскую» Индию и «мусульманский» Пакистан. Раздел де-факто произошел на цивилизационной основе, и Конституция Индии 1949 г. первоначально не содержала положения о светском характере государства. В определение Индийской республики слова «секулярная» и «социалистическая» были добавлены поправкой от 1976 г. Статья 15 Конституции («Государство не проводит дискриминацию в отношении граждан на основании религиозной, расовой, кастовой принадлежно-

America — and beyond. Philadelphia: Temple University Press, 1987. P. 63.

¹ Об этом см.: Коларов Г.И. Роль теологии освобождения в идеологии и политической практике правительства Лулы. Доступ: <http://www.mgimo.ru/fileserver/books/rami4konvent/t10-kolarov.pdf> (проверено 18.12.2014).

² Global Index of Religion and Atheism. — URL: <http://redcresearch.ie/wp-content/uploads/2012/08/RED-C-press-release-Religion-and-Atheism-25-7-12.pdf> (accessed 18.12.2014).

³ Religion. Census of India 2001. URL: http://censusindia.gov.in/Census_And_You/religion.aspx (accessed 18.12.2014).

сти, пола, места рождения») фактически ставит государство в равноудаленное положение по отношению ко всем религиям.

ИНК, бывший единственной правящей партией до 1977 г., до 1980-х гг. проводил общий светский курс, отстаивая инклюзивное гражданское видение нации. Однако сопровождавшие модернизацию социальные изменения вызывали внутрипартийные расколы и общее обострение политической борьбы. Следствием стремления ИНК(И) завоевать большинство стало использование символов и риторики индуистского национализма. Этот шаг вызвал рост легитимности националистических организаций, которые исторически рассматривались как посягающие на единство страны¹.

В 1980 г. была основана Бхаратия джаната парти (БДП, Народная партия), ставшая главным конкурентом ИНК. Устав БДП определяет философию партии как «интегральный гуманизм» и подчеркивает преданность делу строительства сильной и процветающей индийской нации, которая «с гордостью черпает вдохновение из древней культуры и ценностей Индии, чтобы состояться как великая мировая держава»². В 1998 г. БДП выиграла парламентские выборы и сохраняла власть до 2004 г. В период ее правления произошло укрепление представления о *хиндутве*³ как идеологии индуистского большинства и об индуизме как культурной основе нации.

Как показывает И. Глушкова, возвращение во власть «светской» коалиции под руководством ИНК в 2004 г. не остановило конфессионализацию страны. Важным источником общественно-политического дискурса стал феномен «оскорбленных чувств» (индусов), которые возбуждаются с использованием ситуаций, складывающихся вокруг локальных индуистских святынь, и транслируются печатными и электронными СМИ как «национально значимые»⁴.

Либеральные реформы, проводящиеся в стране с 1990-х гг., ограничили контроль государства, стимулировали частный бизнес и ускорили экономический рост, что, однако, не снизило социальную дифференциацию. В 2011 г. численность населения, живущего менее чем на 2 долл. в день, составляло 75,62%⁵. Наиболее быстро растущим и важным в индийской экономике является сектор услуг, где производится более 60% ВВП, но свыше половины всего трудоспособного населения заняты в сельском хозяйстве, лесной промышленности и рыболовстве, которые

¹ См.: *Hibbard S.W.* Religious Politics and Secular States: Egypt, India, and the United States. Baltimore: JHU Press, 2010. P. 115–148.

² Constitution and Rules. Bharatiya Janata Party. 2012. URL: http://www.bjp.org/images/pdf_2012_h/constiution_eng_jan_10_2013.pdf (accessed 25.12.2014).

³ Термин трактуется как дух, свойственный индийской нации, чувство индуистской идентичности.

⁴ Глушкова И.П. Индия: медиафеномен «оскорбленных чувств» как политический проект // Политическая наука, 2013. № 2. С. 48–49.

⁵ Global Finance. — URL: <http://www.gfmag.com/gdp-data-country-reports/255-india-gdp-country-report.html#axzz2jm8kxFBu> (accessed 8.01.2015).

дают всего около 12% ВВП¹. Социальный дисбаланс вкупе с угрозами безопасности повышают значимость цивилизационного ресурса в государственном и национальном строительстве. В 2014 г. на всеобщих парламентских выборах БДП вновь одержала победу.

Для китайской цивилизации характерны культурные системы, которые с трудом можно отнести к религиям ввиду их морально-этического характера. Это конфуцианство, даосизм, китаизированный буддизм и учение легистов, в основе которого лежит примат писаного закона. Общество, поддерживающее такие ценности, не может быть секуляризовано, вернее, там не стоит сам вопрос о секуляризации. Поэтому последователи этих «рациональных верований» в большинстве случаев относят себя к неверующим.

Прагматизм Коммунистической партии Китая (КПК) проявляется в активном использовании цивилизационного наследия, «поддерживающего» официальный социалистический курс. Как отмечает Л. Переломов, при анализе политического процесса КНР можно обнаружить такую закономерность, что в периоды относительной стабилизации сфера действия истории в политической сфере сужается, а в период кризисов и острых столкновений во власти — резко расширяется. С одной стороны, это объясняется высоким уровнем исторического самосознания народа, с другой — облечением идейно-политических противоречий в элите в идеологически неопасную «историческую» форму (высказываясь о Конфуции и его наследии, каждый говорит то, что хочет сказать)². В частности, идея общества средней зажиточности (*сяокан*, конфуцианское «общество малого благоденствия») как промежуточной цели социалистического развития была предложена Дэн Сяопином (идеалом общественного развития выступает общество *датун*, в котором все будут равны и свободны)³. *Сяокан* в современной интерпретации имеет конкретные измерения: решение проблемы обеспечения населения питанием и предметами первой необходимости, рост ВВП на душу населения и пр.

Одновременно *сяокан* — это не только стремление к материальному благосостоянию. Для него характерны и другие ценности: социальная гармония, понимание интересов коллектива, порядок, основанный на уважении к старшим и власти, административно-регламентированное поведение (ритуал), мораль, долг, самоусовершенствование, состоятельность как способ самореализации.

Спорным остается вопрос о соотношении конфуцианских ценностей и демократии. С. Хантингтон, например, полагает конфуцианскую ци-

¹ Trading Economics. URL: <http://www.tradingeconomics.com/india/gdp-growth> (accessed 8.01.2015).

² Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. С. 5–8.

³ Подробнее см. Переломов Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 209–215.

визацию враждебной Западу и демократии¹. Другой позиции придерживается политолог До Чул Син, который исследовал влияние ее социальных и политических норм на демократизацию 6 стран конфуцианского ареала. По его мнению, конфуцианская традиция и демократия находятся в сложной взаимосвязи. Приверженность ценностям «этической меритократии» и патерналистского правления стимулирует выбор нелиберальной демократии, но приобретение демократического опыта вызывает постепенный отход от этих принципов (Япония, Южная Корея, Тайвань); не конфуцианство, но сохраняющееся авторитарное правление препятствует началу демократизации².

В России процесс вхождения культурно-религиозных ценностей в публичную сферу начался в период распада советской системы. В 1990-е гг. возникло множество религиозных и квазирелигиозных организаций, среди которых были и политические партии, православные и исламские. В 1993 г. был создан Всемирный русский народный собор (ВРНС) — международная общественная организация во главе с патриархом, которая провозгласила своими целями содействие всестороннему возрождению России и русского народа и укреплению российской государственности³.

В 2001 г., с началом укрепления вертикали власти, создание политических партий на национальной или религиозной основе было законодательно запрещено, а инициатива в деле духовного возрождения и консолидации общества перешла в первую очередь к РПЦ и государству.

Избрание в начале 2009 г. патриархом Кирилла (В. Гундяева) придало общественно-политической деятельности РПЦ новый импульс. В своей интронизационной речи он поставил в центр православной картины мира концепцию Святой Руси⁴. Одновременно в выступлениях председателя РПЦ регулярно присутствует критика «порабощения» России западными идеями и моделями поведения.

В период предвыборной кампании 2012 г. президент В. Путин заявил, что светскость состоит не в ущемлении религиозных организаций в правах, а в установлении между ними и государством режима «партнерства, взаимной помощи и поддержки». Он также указал на необходимость усиления медийного присутствия церкви, роста ее участия в жизни армии и уравнивания вузов и школ, созданных при участии религиозных организаций, с государственными. В 2013 г. на встрече с главами духовных управлений мусульман в Уфе российский лидер отметил, что ис-

¹ См.: *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 2007. 368 p.

² *Doh Chull Shin.* Confucianism and Democratization in East Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 326.

³ Устав ВРНС. Доступ: http://www.vrns.ru/o_sobore/ustav.php (проверено 17.12.2014).

⁴ См. *Суслов М.Д.* «Святая Русь»: Геополитическое воображение в современной Русской православной церкви // Политическая наука. Религия и политика. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 142–164.

лам — «яркий элемент российского культурного кода»¹ и что мусульмане должны развивать традиционные формы жизни и мышления, чтобы соответствовать требованиям современности².

Задача активизации поисков национальной идеи ради успешности в глобальной конкуренции была озвучена президентом в ходе Валдайского форума 2013 г. Противостояние с Западом по поводу украинских событий и экономический кризис актуализировали ее оформление на цивилизационной основе. Национально-цивилизационную идентичность В. Путин определяет как «отождествление или соотнесение себя индивидами с определенной национально-цивилизационной общностью, которая имеет черты как нации, так и цивилизации или является промежуточной между нацией и цивилизацией»³.

С изменением исторических условий меняется и подход к оценке роли цивилизационных ценностей в модернизации. Исследование опыта сверхкрупных стран показывает, что жесткое разделение религии и политики не является обязательным условием развития. Цивилизационные ценности могут компенсировать обществу нехватку социальной безопасности и предоставить необходимую мотивацию. Сохранение цивилизационных ориентиров, поддерживающих социальное равновесие, также позволяет легче адаптироваться к глобализационным процессам, нейтрализовать их негативные культурные последствия. При этом непременным условием эффективности ценностных ресурсов выступает приверженность власти целям развития.

Литература

Глушкова И. П. Индия: медиа феномен «оскорбленных чувств» как политический проект // Политическая наука, 2013. № 2. С. 48–80.

Коларов Г. И. Роль теологии освобождения в идеологии и политической практике правительства Лулы. Доступ: <http://www.mgimo.ru/fileservers/books/rami4konvent/t10-kolarov.pdf> (проверено 18.12.2014).

Кудряшова И. В. Как изучать взаимодействие религии и политики? // Политическая наука, 2013. № 2. С. 9–24.

Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. 340 с.

Переломов Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.

¹ *Путин В.* Выступление на торжественном собрании, посвященном 225-летию Центрального духовного управления мусульман России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19473> (проверено 25.12.2014).

² Стенограмма встречи с муфтиями духовных управлений мусульман России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19473> (проверено 25.12.2014).

³ Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. С. 115.

Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2.: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И. С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. 470 с.

Сулов М.Д. «Святая Русь»: Геополитическое воображение в современной Русской православной церкви // Политическая наука. Религия и политика. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 142–164.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-пресс, 1999. 416 с.

Albrow M. The Global Age: State and Society Beyond Modernity. Cambridge: Polity Press, 1996. 256 p.

Apter D.E. The Politics of Modernization. Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1967. P. 36–37.

Berryman Ph. Liberation Theology: Essential Facts about the Revolutionary Movement in Latin America — and beyond. Philadelphia: Temple University Press, 1987. 231 p.

Castles S. Ethnicity and Globalization. London: Sage Publications, 2000. 228 p.

Censo Demográfico 2010: Características da População e dos Domicílios — Resultados do Universo. URL: <http://loja.ibge.gov.br/censo-demografico-2010-caracteristicas-da-populacao-e-dos-domicilios-resultados-do-universo.html> (accessed 21.12.2014).

Chase-Dunn C. Global Formation: Structures of the World-Economy. 2nd ed. Lanham: Rowman&Littlefield Publishers, 1998. 452 p.

Doh Chull Shin. Confucianism and Democratization in East Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 366 p.

Eisenstadt S.N. Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution: The Jacobin Dimension of Modernity. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 280 p.

Eisenstadt S.N. The Paradoxes of Democracy: Fragility, Continuity, and Change. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: The John Hopkins University Press, 1999. 120 p.

Hibbard S.W. Religious Politics and Secular States: Egypt, India, and the United States. Baltimore: JHU Press, 2010. 328 p.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 2007. 368 p.

James P. Globalism, Nationalism and Tribalism: Bringing Theory Back in. London: Sage Publications, 2006. 369 p.

Roelofs M.H. Liberation Theology: The Recovery of Biblical Radicalism // American Political Science Review, 1988, June. No 82. P. 549–566.

Wallerstein I.M. The Essential Wallerstein. Washington, DC: American Press, 2000. 471 p.

CULTURAL AND RELIGIOUS VALUES AS A RESOURCE FOR SOCIAL AND POLITICAL DEVELOPMENT

Irina V. KUDRYASHOVA

Cand. Sci. (Polit.), associate professor of the Department of Comparative Political Studies, MGIMO University (76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation); senior fellow of the Department of Political Science, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (15 k. 2, Krzhizhanovkiy St., Moscow, 117218, Russian Federation).
E-mail: kudryashova23@yandex.ru

Abstract. Contrary to the secularist approach, civilizational values including religion still play a significant role in realizing tasks of social and political development. The analysis of such mega-countries as Brazil, India, China and Russia shows why cultural and religious values retain their public value and how they can be applied in the process of modernization and nation-building.

Keywords: civilizational values, religion, development, nation-building, political identity

